

Роза Хуснуртдинова

46

Кто-то ещё

Мы с ней встречались уже второй год, в её маленькой комнатке на втором этаже двухэтажного деревянного дома вблизи станции метро «Сокольники». Она было тихая, ласковая, немного болезненная, осенью и весной часто простывала. О женитьбе с ней я не заговаривал: во-первых, моей студенческой стипендии едва хватало мне одному, во-вторых, я не был уверен, что мы так уж сильно любим друг друга. Ася о замужестве тоже не заговаривала, она вообще была молчалива. Обычно после моего прихода к ней, после незатейливого ужина из жареной картошки и чая с яблочным вареньем я усаживался под лампой с жёлтым абажуром за стол, накрытый льняной с остатками кружев скатертью и раскрывал учебник политэкономии – готовился к очередному зачёту, а Ася усаживалась в кресло напротив меня с вязаньем в руках. Она училась в художественном училище и то кроила, то шила, то вязала, и мы даже радио не включали, чтобы не мешать мне заниматься. Часам к одиннадцати я откладывал в сторону учебник, подкладывал поленья в печку, в комнате становилось теплее. Ася поднималась, задёргивала занавески на окнах – белые, в голубую крапинку, ей всё казалось, что кто-то может заглянуть с улицы в окна, хотя я уверял её, что никто не может заглянуть, окна высоко. Потом я гасил свет. Иногда ночью я просыпался, смотрел на

влажную прядку волос на Асиной щеке, на тонкую, едва различимую в темноте руку, свесившуюся с дивана, и думал о том, что, наверное, на самом деле люблю её. Я бесшумно поднимался, подходил к окну, приоткрывал форточку и долго стоял, глядя на заснеженную крышу соседнего дома, тоже двухэтажного, деревянного, жадно вдыхая сладкий, свежий морозный воздух.

Как-то в октябре, когда у Аси, как обычно осенью, началась ангина, я застал её сидящей в кресле с лицом бледнее обычного, с завязанным горлом. Раздевшись, вымыв руки, я уселся ужинать и стал рассказывать о том, что было сегодня в институте: профессор Леви оговорился, произнёс: «В последний год советской власти...» и так перепугался, что студенты очень развеселились, прервали лекцию на целых десять минут. Потом я вспомнил, что в «Ударнике» на будущей неделе начнётся показ шведских фильмов, надо бы сходить. Потом я вскипятил Асе молока и сказал, что промочил ноги; снял ботинки и поставил их сушиться к ещё не остывшей дверце печки.

Ася сидела, склонив голову к вязанью, медленно перебирая спицами. «А о тебе Н. спрашивал», – сказал я вдруг ни с того, ни с сего. «Н.?» – подняла она голову. «Из соседней группы», – сказал я, – как-то видел нас в кино». Ася покачала головой: «Не помню ни-

какого Н.» Я помолчал и добавил: «Ты ему, кстати, очень понравилась». Ася покачала плечами и ниже склонила голову над вязаньем. Почему я сказал про этого несуществующего Н.? Когда через три дня снова зашёл к Асе, принёс ей молока и «Боржоми», она по-прежнему сидела у окна в кресле с шитьём в руках. «Что шьёш?» – спросил я нарочито бодрым голосом. «Кофточку-кимоно», – ответила она. «Симпатично получается», – похвалил я, глядя на кофточку. И рассказал, что ночью в общежитии случился пожар, даже пожарных вызывали, оказалось, у нас много незнакомых девушек ночует в общежитии, комендант страшно ругался. Потом я рассказал, что математик явился на лекцию без очков, а он ничего не видит, но все уравнения писал на доске, ни разу не ошибившись, – гигант, конечно, хотя на экзаменах зверь, режет всех подряд. Потом я показал Асе книжку про индийскую йогу, купил её возле метро, на этом мои новости закончились. И я сел за стол и открыл учебник, надо было готовиться к очередному зачёту. Но, мельком взглянув на Асию, я увидел, что она выжидательно смотрит на меня. «Да, Н. передавал тебе привет, – сказал я, – он желает тебе скорейшего выздоровления».

«Выздоровления?» – переспросила она. «Ну, может, не совсем так сказал, но примерно так», – буркнул я и скорей склонился над книгой, показывая, что мне некогда. «И всё же я не помню никакого Н.» – прервала Ася наступившую паузу. Она сидела, подняв голову, и задумчиво смотрела перед собой, наvangоговские подсолнухи,repidukciyu iz «Огонька», повешенную недавно. «Как же ты не помнишь, когда я сам тебя с ним знакомил, ты иногда бываешь такой рассеянной?», – сказал я как бы сердито. Ася помолчала и спросила: «Он – что, твой товарищ?» – «Нет, просто из соседней группы. Мы с ним в библиотеке сидели, я Гегеля взял, а он Киплинга», – продолжал я сочинять. «Он – что же, Киплинга любит?» – спросила она с любопытством. «Видимо, да», – ответил я.

«А какой он из себя?» – спросила она. «В общем, похож на меня... Ростом, правда, чуть выше... И волосы светлые... А глаза, кажется, зелёные... Да, шарф на шее носит, лиловый», – добавил я, глядя на полоску голубого шарфа, выползающую из Асиных пальцев ей на колени.

С тех пор, приходя к Асе, я добавлял новые чёрточки к портрету Н. Я описывал Асе мои разговоры с ним, даже споры. То Н. походил на меня, то казался моей противоположностью. Например, я рассказывал Асе, как во время перерыва между лекциями мы шли вместе с Н. из главного корпуса в соседний и поспорили о «Докторе Живаго», мы оба только что прочли ксерокс с книги, изданной в Париже. Н. роман понравился, а мне – нет, я больше ценил стихи Пастернака, такие как «Марбург». Или рассказывал ей, как мы погорячились в споре об эзистенциализме, я терпеть не мог Жана Поля Сартра, а Н. его уважал. Или я рассказывал Асе, как удивился, когда услышал от Н., что он ни разу не был на футбольном матче, я играл в футбол с азартом, и, конечно же, ходил на все интересные матчи.

Я заметил, что Ася переменила причёску, стала расpusкать волосы по плечам, кофточка, которую она сшила, очень ей шла. Ася прямо светилась в ней. К тому же она купила новые ботинки, тонкие ажурные чулки. Когда она выздравела, мы с ней стали выходить вечерами гулять недалеко от дома, медленно шли вдоль ограды Сокольнического парка, я держал её под руку, что-то наставлял, рассказывал, а она слушала, кивала, смеялась, но сама, казалось, пытливо вглядывалась в лица редких прохожих, как бы силясь кого-то разглядеть. Если при встречах я не упоминал об Н., Ася становилась задумчивее, даже как бы удивлялась, я ловил на себе её выжидательные взгляды. Наконец, когда я целую неделю не упоминал об Н., она сама меня спросила: «А ты что же, больше не видишься с Н.?» – «Почему, сегодня виделись».

— «И что?» — «Что?» — «Ну, что он тебе сказал?» — «Сказал, что твой профиль напоминает ему силуэт старинной камеи», — сказал я. Ася покраснела и отвернулась.

Я мрачно смотрел перед собой. Надо было с этим кончать, просто сказать ей, что никакого Н. не существует. Но тогда она спросит: зачем я его выдумал? Нет, надо придумать что-то другое. И на следующий день с коробкой шоколадных конфет, с бутылкой «Гурджиани» и веткой багульника в руке я вошёл к Асе. Она удивлённо посмотрела на меня. «Стипендию раньше времени дали», — объяснил я. После ужина, рассказав несколько остроумных, как мне казалось, историй про своих сокурсников, я небрежно потянулся и сказал: «Да, сегодня попрощался с Н.. Он возвращается в свой город, кажется, в Луганск». Ася подняла на меня побледневшее лицо. «Почему?» — спросила она. «Не знаю, мать, кажется, заболела, он будет переводиться в институт в Луганске». Ася встала, прошлась по комнате, подошла к окну, прижалась к стеклу лбом. Потом обернулась: «Ты, кажется, говорил, что он каждый вечер заходит в букинистический на Кировской?» Я неуверенно кив-

нул. Ася стала одеваться. «Ты куда?» — опешил я. «На Кировскую, мне нужно с ним поговорить». — «Но, может, сегодня он не придёт туда». — «А если придёт? Как ты не понимаешь — мне нужно, нужно с ним поговорить!» — «Да нет никакого Н.!» — выкрикнул я. — Я его выдумал!»

Ася уставилась на меня. «Неправда, — прошептала она, — он есть!» Схватила шарфик, сумочку и побежала к двери. Я выскочил за ней. Мы молча добежали до станции метро, спустились вниз, поехали, стиснутые со всех сторон толпой, был час пик. В двух шагах от себя я видел качающийся Асин профиль, на виске её чуть билась голубая жилка — это случалось, когда Ася волновалась, но старалась не показать этого. Выскочили наверх, стали протискиваться сквозь толпу по правой стороне Кировской. Вот магазин «Свет», «Булочная», львы у подъезда старинного здания, «Книжный». У витрины магазина стоял человек. Он повернулся ко мне, и я увидел светлые волосы, зелёные глаза и длинный лиловый шарф, обмотанный вокруг шеи. Ася подошла к человеку и что-то спросила. Он кивнул, обнял её за плечи, и они побрали по улице прочь от меня...

1960-е

Бассейн

БАССЕЙН был небольшой, всего метров двадцать в длину, разделён на десять полос, над водой, пахнущей хлоркой, нависал низкий потолок, раздражающе жужжала вентиляция. Никакой красоты, никакого южного неба над головой, никаких голубых плиточек на стенах и на дне бассейна, какие бывают на рекламируемых по телевидению зарубежных курортах. Бассейн был сооружён неким предпримчивым арендатором в подвале научно-исследовательского института, которому не хватало

средств, чтобы оплачивать коммунальные услуги. Арендатор потратил немало средств, чтобы отремонтировать подвал и устроить здесь плавательный бассейн. Зато теперь он продавал абонементы за пользование своим заведением. Сюда ходили родители с маленькими детьми, чтобы научить их плавать, тренировались спортсмены, жаловали заведение и любители поддержать свой жизненный тонус с помощью нехитрых водных процедур. В штате числился инструктор с дипломом, помогавший

мамашам обучать детей плаванию, присутствовал и молодой врач в белом халате: поправляйте, мол, здоровье под наблюдением настоящего специалиста, дипломированного врача. Иногда звучала лёгкая музыка, она лилась откуда-то сбоку, но негромко, тихо, не мешая посетителям плавать и предаваться приятным размышлениям о радужных перспективах на работе, о предстоящем отпуске на курорте, наконец, мечтам о какой-нибудь необыкновенной любви, возникшей вблизи тёплого южного моря.

Лилию привёл в бассейн визит к врачу. Она пожаловалась ему, что испытывает всё возрастающие боли в спине, хуже стали ходить ноги, часто кружится голова, по ночам просыпается от сильного сердцебиения. «Может, на нервной почве? Какие-то проблемы на работе, дома?» – спросил врач. «Ну, как вам сказать...» – произнесла Лилия и умолкла. Не рассказывать же незнакомому человеку, пусть даже и врачу, о том, что попала под сокращение, что её уволили и даже не пообещали восстановить на прежней работе в ближайшем будущем. Не рассказывать же, что дочь позвонила из Берлина, сообщила, что не может приехать нынешним летом, у её мужа новые проекты, нужно помогать, поддерживать его морально. Не рассказывать же о том, как жутко расстроилась, когда ходила недавно на кладбище навестить могилы родителей: обе могилы были затоплены водой, здесь понижение почвы, объяснил работник кладбища, каждый год затапливает, ничего удивительного, просто надо подождать, пока вода спадёт.

«Очень полезны для вас морские купания, – сказал врач. – Можете позволить себе поездку в Турцию, в Египет?» – «Нет», – ответила она. – «Тогда попробуйте записаться в какой-нибудь плавательный бассейн, сейчас есть недорогие бассейны. Вам надо плавать, пока спина не деформировалась окончательно, пока ноги не отнялись», – сказал врач.

Сначала Лилии не хотелось залезать в эту тепловатую, пахнущую хлор-

кой «мёртвой» воду. Но надо было выполнять предписания врача. И Лилия нехотя спустилась в воду, размахивая руками, по-лягушачьи отталкиваясь ногами, проплыла эти скучные двадцать метров до противоположной стены, слегка отдохнула, держась за поручни лесенки, развернулась и поплыла обратно. Со всех сторон слышались крики ребятишек, окрики мамаш, зычный голос инструктора: «А если ещё разок? Вот так! Вот так! Молодец!»

Он попытался было подступиться и к Лилии со своими предписаниями «правильного дыхания», но она обдала его таким фонтаном брызг, забив по воде руками и ногами, что инструктор ретировался и больше не надоедал.

Она стала закрывать глаза, чтобы не видеть убогую роскошь этого наспех сооружённого коммерческого заведения, стала представлять себе картинки из далёкого детства. Как плавали с сестрой в чистой и быстрой реке в родном городе, как холодила тело летняя река, просвещенная июльским солнцем, как колотилось сердце, когда вдруг по ногам скользила невидимая рыбёшка, как качался и струился в жарком летнем воздухе знакомый городской берег с деревянными домишками вдоль склонов.

Вспомнила Лилия и прошлогодние плавания в Волге, в тихой заводи, на берегу которой располагалась дача сестры. Как приятно было медленно входить в прозрачную воду, разглядывая тинистое дно, мелькающих тут и там мальков, по поверхности гладкой воды скользили водяные жуки, выписывая свои таинственные письмена. А потом она бросалась в воду и с наслаждением плыла, лёгкая, свободная, отринувшая все неприятности, невзгоды, болезни, беды. Она была обитательницей водной стихии, этой чудесной большой полноводной реки. Плыла, взмахивая руками, к зелёному острову с высокими машущими ветвями ивами, смотрела, как над водой летают чайки, а на берегу стоит на одной ноге знакомая цапля. Особенным удовольствием было купаться ночью, когда вода была ещё

тёплой после жаркого дня. Лилия запрокидывала голову, смотрела на звёзды на тёмном небе и улыбалась.

Вспомнились ей и купания в Чёрном море, вблизи Пицунды. Там берег был не песчаный, а усеянный крупной галькой, по ней боязно было ступать болыми ногами. Когда, закрыв глаза, она прыгала в зеленоватую тёплую воду и открывала глаза, у самого лица обнаруживала прозрачных, будто из марли, медуз. Испытывала непередаваемый ужас, скорей плыла дальше. Медузы оставались позади, а перед ней открывалось изумительно сияющее под солнцем зеленоватое пространство водной стихии. «Самое синее в мире Чёрное море моё». Да, это было прекрасно!

Боли в спине стали проходить, ноги тоже слушались лучше. Лилия купила в бассейн ещё один абонемент. Её уже узнавали те, кто работал здесь, и всегда согдатай заведения.

— Вы стали лучше плавать, — сказал ей инструктор — быстрее двигаетесь. Вас даже можно выпускать на спортивные соревнования!

Она и сама заметила, что двигается в воде быстрее, чем раньше. Причём, нельзя было сказать, что она энергичнее бьёт по воде ногами или сильнее размахивает руками. У неё возникло ощущение, что внутри неё заводится какой-то моторчик, он и двигает её вперёд, всё быстрее и быстрее. Жаль только, что дистанция короткая, всего двадцать метров, проплы়ешь немножко и тут же разворачиваешься обратно. Слишком мало места. Раз она поймала себя на мысли, что похожа на рыбку, плавающую в ванне городской квартиры. Ей захотелось вырваться из этого тесного пространства. Как-то, нырнув глубже, она заметила тёмный круг на дне бассейна.

— Что за круг на дне? — спросила она у работника, следящего за чистотой бассейна.

— Через этот люк мы спускаем воду, — ответил он, — потом заполняем бассейн свежей водой, дезинфицируем и запускаем посетителей.

— А куда ведёт люк? — поинтересовалась она.

— В Москву-реку, — ответил работник.

— Уровень реки ниже уровня бассейна. — Значит, через этот люк можно добраться до Москвы-реки? — спросила она.

— Ну кому же в голову придёт такое?

— засмеялся работник. — Да и решётки там стоят. На этом разговор закончился. Но, проплывая над люком, Лилия иногда вспоминала, куда он ведёт.

— Послушайте, что у вас за стиль? Вы плывёте, не двигая руками и ногами, но быстро, прямо как торпеда? — спросил её инструктор.

Он обратился к Лилии во время очередного её заплыва, когда она пролетела по плавательной дорожке бассейна туда и обратно с необыкновенной скоростью. Инструктор разговаривал с Лилией, наклонившись над водой, рядом с ним стоял моложавый человек с седым ёжиком на голове, в спортивном костюме, с секундомером в руке.

— Колосов, — представился он, обращаясь к Лилии. — Главный тренер команды пловцов, отправляющихся на соревнования в Турцию. Не хотите быть зачисленной в нашу команду? При условии победы на соревнованиях гарантирую гонорар, можем составить договор. Согласны?

Лилия отвернулась и поплыла дальше, медленно взмахивая руками и слегка отталкиваясь от воды ногами.

Мужчины постояли, глядя ей вслед, потом отошли от края бассейна.

Лилия плыла и вспоминала вчерашний разговор с подругой. Та позвала её в театр, на модный спектакль. А после представления, оставившего у Лилии чувство разочарования, они, шагая к станции метро, поспорили.

— А что ты ожидала увидеть? — спросила подруга. — Шедевр? Шедевров больше нет! Есть более удачные спектакли и менее удачные. Мы всю жизнь жили с какими-то иллюзиями, ожиданиями, теперь их у меня больше нет. Будем беречь остатки здоровья, ума, здорового смысла, растиль детей, внуков, а боль-

ше ничего. Никакой борьбы за свободу, за справедливость, за лучшее будущее нашей страны, всего мира, это вещь невозможная, теперь я это поняла. Видела недавно по телевизору Буковского? Теперь он разоблачает коррупцию в Европарламенте: мол, депутаты получают бешеные гонорары, а сами решают какие-то пустяковые вопросы, вместо того, чтобы реально помогать людям. Раньше боролся против коммунистического режима, но, оказывается, и в свободной Европе дела обстоят не лучше. Вот и подумай, стоит ли губить остатки здоровья на несбыточные мечты? Тем более, что многих из наших уже нет в живых, сходят с дистанции, будто их косят косой. У Эдика онкология, Светка осталась вдовой, Барышев погиб в ДТП, сбила машина. Да что говорить, у нас недавно хоронили руководителя института: представляешь, с войны вернулся невредимым, орденоносцем, героем, а тут какая-то машина нового русского сбила его с ног и всё, водитель даже не остановился взглянуть, жив ли сбитый. Жизнь несправедлива, тяжела, скучна, пора это понять. Дети наши pragmatичны. Но я этому только радуюсь, не пропадут! А как твоя Тоня, всё ещё в Берлине, с Гансом? Не хочешь их навестить? Почему не навестить? Надо ездить, хотя бы к родственникам, менять обстановку. А то сойдёшь с ума от действий правительства, Государственной Думы! Ты ещё ни с кем не судишься? А я сужусь! По-моему, сейчас все судятся со всеми! С работодателем за то, что неправильно начислил зарплату, с соседом по даче за то, что поставил забор не на том месте, с налоговым инспектором за то, что требует какого-то ещё налога, с фирменным магазином, продавшим бракованную соковыжималку. Я теперь не стихи пишу, а исковые заявления в суд. Наловчилась, даже другим помогаю составлять заявления. Боже, какая толпа в метро! Ты заметила, что в Москве всё больше и больше народу? Ты на кольцевую? Я – на радиальную. Ну, пока, звони. И не бери себе в голову обиды, ни к чему это, поняла?

Вот так они поговорили с подругой, с этой максималисткой, заводилой, всегда бросающейся на помочь обиженному, призывающей подруг составить некую петицию, возвзание, обращение к властям с требованием восстановить справедливость... Как же она изменилась, совсем другой человек. Может, и сама она стала другой, только не замечает этого? Лилия вспомнила свой заплыв в десятом классе, когда, «не согласная» с рассказом Чехова, бросилась переплыть могучую реку. Ей захотелось совершил что-нибудь подобное. Интересно, если через этот люк можно попасть в Москву-реку... Раньше, помнится, ходили пароходы от Москвы до Астрахани, теоретически можно добраться до Волги. А дальше – Волго-Донской канал, по нему можно попасть на Дон, приплыть к Азовскому морю, потом – к Чёрному. Ну а потом Средиземное море, Атлантический океан! Простор, свобода! Ты плывёшь, рассекая волны, лёгкая, свободная, отринувшая все невзгоды, неприятности, обиды, над тобой лишь небо в белых облаках, или тёмное, ночное, в ярких звёздах. Созвездие Большой Медведицы, Малая Медведица, Полярная звезда, Млечный Путь. Никого вокруг, только волны, океан, небесная стихия наверху, водная стихия вокруг, и в тебе бьётся горячее человеческое сердце, жаждущее свободы, счастья, справедливости, лучшей жизни на земле. Ты плывёшь, вокруг океан, мимо проплывает на яхте Фёдор Конюхов, он тоже любит, когда вокруг океан, а над головой небо, он плывёт к своей намеченной цели и, конечно же, доплывёт до неё обязательно. Ты плывёшь, видя перед собой свет далёкого маяка, звезды, нависшей над горизонтом, и веришь, что тоже доплывёшь до неё, обязательно!

Хозяину бассейна ночью позвонил работник:

– У нас ЧП случилось, клиентка исчезла. Та, что быстро плавала. Плавала, плавала, а потом куда-то делась.

– Может, ушла домой?

– Охранник говорит, что двери за-

крыты, никто не мог выйти. Вещи в её шкафчике висят, а самой её нет.

Наутро следователь обыскал всё заведение, комнаты, подсобки, коридоры помещения. Спустили воду в бассейне. Работник обратил внимание на то, что

крышка люка на дне бассейна слегка сдвинута в сторону, будто люк открывали.

– Не могла же она уйти через люк?
– сказал работник.

Следователь только пожал плечами.

Тамга

53

О, НАШИ молчаливые предки! Как нам не хватает ваших советов, подсказок, мудрости вашей! Кто нам подскажет, как жить в этом всё усложняющемся мире? Как нам не погибнуть, выжить, быть счастливыми? Мы живём уже не в степях, как вы, не в высоких горах, близко к небу, к солнцу, луне и звёздам, не в зелёных долинах с щелковистой травой, не у берегов прекрасных рек с чистой незамутнённой водой, в которых водятся стерляди, осетры, щуки. Мы не бродим по душистым лесам, собирая мёд диких пчёл, неходим в ночное пасти табуны вольных коней, мы не кормим их с руки ломтем хлеба, сдобренного солью, не поим вкусной водой из своего колодца, не накидываем на них седло, украшенное драгоценными камнями, а на седле – тамга....

Эту тамгу, отличительный знак рода, дома, семьи ставили на круп коня, седло, плуг, борону, хозяйственную утварь... Тамга была проста по рисунку, похожа на ворота, ромбик с хвостиком, юрту, бараны рога, кружок, от которого идёт вниз вертикальная линия, на крылья птички, стебель, растущий из ямки, две скрещённые волнистые линии... Не гербовая печать дворянина, землевладельца, правителя, которой он скреплял свои письма, указы, документы – простой рисунок! Но тамга значила многое! Не кради коня, ведь он принадлежит роду именитого человека, не трогай его имущество, он найдёт конокрада, накажет, достанет из-под земли... Не тро-

гай коня, он принадлежит отважному, благородному, известному своей справедливостью человеку... И отходили от скакуна, не решались ссориться с его хозяином...

Нет у нас, живущих ныне, ни гербовых печатей, ни тамги, мы не сеем, не пашем, не держим скот, не рубим лес, не возводим своими руками дом, не смотрим вслед коню, скачущему по лугу, любуясь его статью, красотой бега, мастью, не пропускаем сквозь шершавые натруженные пальцы стебель пшеницы, проверяя, созрел ли, налился ли силой, настала ли пора жатвы, не косим траву, дождавшись, когда высохнет утренняя роса, не водим размашисто косой влево и вправо, не собираем в дремучем лесу в лукошко землянику, голубику, не валим деревья, не взваливаем их на телегу, не везём домой, чтобы распилить, заготовить дрова на зиму, уже даже не сажаем в мае картошку, не выкапываем её осенью, не жжём костры из опавшей листвы во дворах, реже смотрим на пылающий огонь, подобно нашим предкам, очищающим души от всего мелкого, сиюминутного, наносного... С неистовой силой не мечтаем, как наши предки, о неведомых странах, об удаче в военных походах, о необыкновенном счастье, о любви... Мы давно не обращаемся к Богу, не произносим шёпотом слова молитвы: «Ходай! Ярдам ит!¹»

¹Ходай! Ярдам ит! (тат.) – Боже! Помоги!

Мы живём в своих душных квартирах, в мегаполисе, работая, кто в развивающейся лаборатории, размышляя, на каком допотопном приборе можно ещё поставить научный эксперимент, щупаем пульс у больного, ставя ему неумолимый диагноз, пишем статьи, отчёты, доклады, работаем в банке, не отрывая глаз от светящегося экрана компьютера, так, что начинает болеть голова, работаем в нефтяных институтах, химических лабораториях, в прокуренных кабинетах... Что может служить нашей тамгой, нашим отличительным знаком? Наверное, нечто невидимое, незримое, виртуальное... Ведь не зря говорят: «От этого человека исходит свет!» Или: «У этого человека – положительная аура!» Или: «Поговорил с ним – и на душе сразу стало легче!» Наверное, наша тамга – это наши слова, поступки, действия... Наша приверженность к вечным ценностям, о которых говорится во всех религиях мира, во всех сводах древних законов... Человек не только животное, он должен стремиться к высшему, к гармонии, к справедливости, к неведомому, к звёздам... Всё то же: «Не убий», «Не укради», «Не сотвори себе

кумира», «Не пожелай ближнему того, чего сам себе не пожелаешь!» Или из Корана: будь честным в торговых сделках, не обманывай, не обвещивай, ибо Аллах это неугодно. Помогай вдовам и сиротам, немощным и убогим, уделяй им из своего имущества. Или из свода Шаулинских буддийских монахов: «Не занимайся развратом», «Не пей», «Будь чистым в помыслах».

Если мы сумеем передать веру в эти ценности детям, внукам, следующему за нами поколению, тем, за кем – будущее, сила, молодая энергия, жажда построить новую, лучшую жизнь – это и будет нашей родовой, семейной тамгой, завещанием... На этом ставлю свою тамгу: круг с расходящимися лучами – солнце, полумесяц – нарождающаяся луна, вокруг них звёзды. Заканчиваю своё обращение к вам, родичи. Роза Хуснудинова, дочь Заужян и Усмана, внучка Масалима и Разы-тэлжинан, а также – и Хуснудина и Фатимы, правнучка Абделькаума и Садыка, Валида, Тухватуллы, Фаткуллы, Альмейя, Ямейя и многих других, теряющихся в нашей родословной, в «древе жизни», в глубине веков.

Москва